

16+

Швец Олег

Роудмуви

стишки и рассказ

Олег Швец

Роудмуви

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Швец О.

Роудмуви / О. Швец — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07873-4

В книге стишки разных периодов и рассказ "Собеседование", герои которых
взрослели в середине девяностых.

ISBN 978-5-532-07873-4

© Швец О., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Стишки	6
Родмуви	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

От слова «предисловие» чувствую себя немного хоботовым из Покровских ворот, так что пусть будут три звездочки.

Что важно сказать из того, чего нет в текстах ниже. Наверное, то, что мне сейчас сорок два, и, с одной стороны, уже могу представить себя в возрасте, когда нынешний буду казаться себе юным балбесом, с другой – точно дорос запиливать короткую книжку о живых и мертвых, которые – суть всей моей теперешней и прошедшей жизни.

Вообще, все самое важное, что со мной происходило это люди. Так что – имена и фамилии в заголовках стихов – настоящие. Настоящих событий – меньше, поэтому прямые параллели можно не искать, наверное, ни с чем, кроме гибели в 93-м году Лизы Мироненко. Нам тогда едва исполнилось по шестнадцать и, те, кто был на моих выступлениях, могли видеть, как и сейчас чуть не до слез ору текст про нее и ее смерть.

Здесь почти нет ничего про моих детей и людей, которых люблю прямо сейчас. Так случилось, что жизнь от литературы для меня отделяется временем: про события, ставшие для меня историей в историческом смысле этого слова – могу говорить точно и выразительно, про то, что случилось недавно, переживаемое прямо сейчас, в презент континиус – не могу, реальность прибывает, делает текст невыразительным, как ответ на вопрос «как дела», в случаях, когда отвечать не очень охота.

Мой одноклассник, Артем Козьмин как-то сказал: «Мы крутые, мы выжили в девяностые». Думаю, так и есть. Бандиты были друзьями наших родителей и учителей, нашими друзьями, учителями и прочими важными для нас взрослыми. Иногда бандитами были мы сами, в общем казалось, что смерть – повседневна, как кирпичи.

Теперь так не кажется, а есть. Многие уже проводили родителей, некоторые – детей, почти каждый – десятки сверстников, друзей, одноклассников, соседей по подъездам, дворам. Раньше, когда ночью звонил телефон, мы ждали вестей от жизни: друг не успел на метро, девушка напилась в гостях и просит ее забрать, бывший или бывшая в тоске не смогли удержаться. Теперь – трубку берем не сразу, осторожно, чуть дышим сначала, пытаемся представить масштаб беды и про кого звонят: про маму? папу? друга?

И все-таки мы крутые и выжили. Слезли с наркоты, алкоголя, вернулись из первой и второй чечни, кто-то уже повырезывал рак и имеет расписание приема лекарств на день, кто-то – взял на руки первого внука. И все это почти не мешает нам делать новые татуировки, крутить романы, радоваться рассветам, бегать под дождями и каждый день делать нашим детям мир чуть менее страшным. Мы еще начинающие в деле умирания, скоро научимся, ничего.

Артем Козьмин – погиб в 2013 году. Пусть эта книга будет хоть каким-то продолжением этого человека. Скучаю по дням, когда произносил его имя, обращаясь к живому другу.

СТИШКИ

Роудмуви

. Артёму Козьмину

1

На заднем сиденье спит дочь, ей почти двенадцать.
Она ещё ниже тебя на голову, а губы дует почти как взрослая:
хлопнув дверью уходит в комнату, не даёт себя обнимать,
и, когда она спит вот так,
ты телом помнишь, как в доме,
где стойкий запах развода,
она прибежала ночью,
укрывалась твоей ладонью
и только так могла успокоиться до утра.

Теперь – темень и дождь, ты – давно уже за рулём,
и вот, на пути – не город и не село,
а точка на сгибе карты: в грязи кафе и следы камазов,
свалить отсюда хочется как-то сразу;
пластиковые кресла, бубнит сериал про ментов.
Глянув тебе в лицо, золотозубая дама хватается за кофейник,
ты ждёшь вполоборота, поближе к двери:
вдруг дочь проснется, а тебя нет?
Тебе под силу представить любую жуть, но не эту.

В углу – трое, пиво цедают, зыркают поверх кружек.
Один – черкает кроссворд, а ручку держит, будто это стилет,
и видно, что пороха ему хватит всадить его кому хочешь и куда нужно,
да так, чтоб пикнуть даже не успел.

Забираешь кофе, скрипишь дверью бэхи лохматого года,
до пункта «Б» ещё долго.

2

Твоя бывшая живёт теперь в запинде,
в доме, который и летом трудно прогреть.
У неё, на пути домой, останавливается дальнбой:
подкидывает то проблем, то денег,
она завела собаку и огород, – тоже дело.

Чтобы не спать, ты помнишь, как в девяностых когда-то ночью
вы сидели – коленками к Неве, молодыми задами – к прочему,
вы знакомы примерно час и где-то столько же пытаетесь взяться за руки,
и от того вас ещё больше прёт – сидеть вот так и тыриться на реку.

Она говорит, что парень её – в Чечне ещё минимум на год,

что предки-придурки – гонят её на курсы бухгалтеров,
что она хотела бы выучить английский
и уехать так, чтобы – ничего русского, даже в мыслях,
домик у океана, лабрадор, супермаркеты по субботам,
поскольку, нечего делать в совке с такими мозгами и такой попой.
Ты спорил, конечно, травил иллюстрирующие басни,
поглядывал как в сумерках белой ночи пух на её затылке
ерошится, вспыхивает и гаснет.

А когда всё-таки взялись за руки, поняли, что не можете не бежать,
что улицы в Питере – киноленты на перемотке,
до рези в легких, до радужных пятен в глазах,
в ногу, с одним дыханием на двоих и горячей кожей,
едва врубаясь, что это счастье и есть – бежать вот так, просто потому, что можешь.

Вынесло вас на Средний к парадной незапертой,
вверх, в запаха книг, под трёхметровые потолки её коммунальной хаты,
мимо сопящих предков, в дальний угол, за занавеску,
упасть, будто тело у вас одно и пахнет от бега резко.

Так, что стрелки часов впору до крови сжать рукой,
и непонятно чей это пульс так лупит – её или твой.

3

ЖД переезд, поперёк тянется товарняк,
закрываешь глаза: ничего, сзади, если что, погудят.
Полцарства – за боковой плацкарт.
Оттуда здорово видно как проезжаешь всякую жизнь,
и что она хороша, как ни кинь.
Все эти степи, волнами разбивающиеся о насыпь,
все эти стены леса, полуразрушенные сараи,
машины на переезде, с потушенными глазами,
домики с геранями на окошках, тётки с одинаковыми флажками,
городки, будто необитаемые, горизонты все эти, закаты,
от которых и знаешь, что мир – не целлюлозная карта,
а тёплый, живой колобок.
И что впервые тебя оставили все в покое,
ты никому не нужен в самом хорошем смысле этого слова,
и это дико важно, если вообще не самое основное.

4

Утром, пока вы метёте манку, мама чуть сверлит тему неспешных пирков,
папа прячет глаза за потрёпанным Спид-инфо,
на котором написан номер квартиры карандашом.
Ты смотришь на зазнобу свою через круглый, под ситцевым абажуром, стол
и врубаешься, что не помнишь, как её звали: катя? маша?
Видишь, что и она в похожем недоумении,
и что это совсем неважно.

Важно – ходить в обнимку, в любую жару,
корабли провожать океанские или бумажные, лишь бы – за руки, на ветру.
Купаться? Да где угодно, лишь бы вместе и голышом,
длить этот лучший в мире июль, такой солнечный и такой большой,
что он кажется вечным, как твой район,
как все эти девяностые, где у каждого есть знакомый бандит.
Твой – учил тебя практической анатомии: где яремная вена ,
как с полтыка попасть в кадык.
Ты не рос волчарой, скорее – псом
и скорее сторожевой, чем бойцовой породы.
И все-же умел так вот сказать: "Запиши телефон,
если вдруг что, какие уроды –
– звони, подскочим, решим вопрос".

Тебе до старости будет, важен этот пацанский форс:
жить, будто где-то есть те, за кого ты легко умрешь.

5

Свадьбу ее папа забабахал как надо:
с чёрными волгами, родственниками из хазарского каганата,
на капот вкорячили пупса,
на баяне фигачил заслуженный деятель искусства
(когда-то – звезда ленконцерта, ныне – бухой и грустный),
дядя петя дядю васю волтузил,
цыганочку с выходом сбацала тетя муся,
в общем – нормально, без травм, откусили от каравая,
выпили, поплясали, от токсикоза вашу пару чуть-чуть шатало,
да, аборт обсуждали, сказали:
«Мама, не ерунди, мы точно его хотим».
Ну а как, если вы влюблены до неба и обоим нет еще двадцати?

И вот вы опять за своей занавеской,
предки впервые в жизни ночуют еще где-то.
Вы – муж и жена. Сил осталось – расчехлить на любимой платье, упасть и уснуть обняв-
шись
с этой вот мыслью: «Теперь нас двое, это надолго и это счастье. Какое же, господи, это
счастье!».

6

Впереди маячит икарус-ходячий дом.
Под таким, говорят, успокоился Цой,
а ты уже крепко старше него, живой,
и это, наверное, хорошо.

Хорошо вообще, что к тебе приставлена смерть.
Ты впервые заметил её лет где-то в семь,
врубился, что рядом всегда – такая супер-баба-яга,
сильнее папы и старше бабушки и так у всех:
вот ни фиги себе!

Когда тебе было пятнадцать с ней ушел твой пёс, а потом и дед.
Ты так и не понял, почему его номер в книжке вдруг помертвел,
и в целом – где эти двое теперь.

Решил, что дед, где-то топит по ярославке
на своей украине с жёстким седлом и высокой рамой,
с коlobком за плечами спускается в васильки,
пёс, конечно же, рядом с ним,
гоняет бабочек, на шерсть собирает репы.
Дед закатал рукава: предплечья его загорелы, крепки,
иногда подзывает пса – загривок потеревить,
оба счастливы, как ни крути.

Теперь же, если подумать, смерть – это такой оффлайн.
Пока заметят, что в соцсетях давно не писал,
позвонят – не ответишь (наверное, чем-то занят),
не увидят нарядное твое туловище в похоронном зале,
хлопнут стопку, скажут, что положено при таких раскладах,
ну и все – давай до свидания,
и особый статус аккаунта вместо памятника.

Теперь, зная, что все умрут, чувствуешь не страх, а вселенскую правоту.
Когда пассатижами сделали чер-те что с лицом и пальцами знакомому чуваку,
(задолжал он, там, штуку или вроде бы две),
ты всю ночь сидел и смотрел на дверь,
иногда всерьёз чесал дулом висок,
казалось, что жизнь – галимый развод,
от страха мысль в голове одна: «может я лучше сразу и сам?»
Потом кто-то тебе показал,
как с утра дочь бежит за йогуртом,
а тут – ты и башка разворочена,
как кричит потом вслух или про себя – всю жизнь
так, что никто не может остановить.
Тогда-то и понял, что это такая работа – жить.
Пока руки можешь поднять на уровень головы,
пока помнишь в лицо своих младших – можно и ныть,
только вот "старший" теперь это именно ты,
хочешь-не-хочешь, встань, пожалуйста, и живи.

Позлился, перекурил это дело разик, потом ещё.
Пошёл, ладонь на голову положил ей:
спи, мой хороший, нормально, нормально всё,
утром пройдёт.

7

Её папа обнаружил привычку храпеть не в такт:
атомоход в полярном тумане, мать его так.
Засыпаешь в наушниках с одной и той же кассетой квин,
мама гундит, что масло ты мажешь не с той руки.

В одной комнате – вчетвером, потом – впятером.
После свадьбы денег не густо: жрали чаще капусту,
да папин запас тушёнки и макарон.

Легко умереть за любовь, когда тебе чуть за двадцать,
а вот как жить в круглосуточной депривации сна, места, денег и сил?

Дочь научилась сидеть, затем ползать, затем ходить.
И когда засыпала у тебя на руках,
ты телом вдруг знал, что оно давно было лишено куска,
он вернулся, когда она родилась.

Каждый вечер, когда она грызла твой палец,
моргала все медленней, становилась теплее и тяжелей,
тебе было впору плакать и петь:
ты что-то шептал прямо в пух на её макушке,
который пах как самая нежная в мире хрень.
Для тебя нет ничего главнее, наверное, и теперь.

Папа устроил тебя в политех, чтобы от армии, и чтобы как у людей,
а знакомый бандит предложил работу:
мотаться в финку, оттуда – возить барахло, туда – водку

8

Между тем возвращается ее бывший с душой и телом, коцанными Чечнёй.
Он оказался твоей дворовой роднёй,
вы бухали неделю, он учил, что война – это тоже такая жизнь:
если можешь – двигайся и дыши, а если не можешь – тем более и поживее.
Ты тогда ему не поверил,
думал, что жить это значит – стоять столетье, а лучше два,
в позе «ни шагу назад», будто за тобой москва,
врастая в землю, как пожилые дома и деревья,
а в твоей тени чтобы – счастливая мелюзга.

Позже, когда ты давно уже вынесешь на помойку гитару и кимоно,
он тебя встретит в подъезде, до вони больной,
спросит столтник, вскоре загнётся от алкоголя,
и вот вас двое в зале питерского крематория,
ты скажешь – «Давай, чувак. Ты был, похоже, прав:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.